

А.Р. Вяткин

Мусульманский Крым к началу XX века: между небытием, пантюркизмом и суверенизацией

Уверенная экспансия Российской империи в южном направлении на фоне социально-экономического и политического ослабления Османской державы привела в конце XVIII в. к аннексии Крымского ханства. Этот геополитический успех поставил перед Петербургом немало вопросов. Один из них можно сформулировать следующим образом: что получила империя в придачу к идеальной базе для будущего Черноморского флота? И тут же возникал другой: какой виделась новому сюзеру этноконфессиональная и этноэкономическая структура полуострова, призванного стать форпостом России в Северном Причерноморье? Для ответа на эти вопросы придется совершить краткий экскурс в историю Крымского ханства накануне его исчезновения с политической карты мира.

В XVIII в. ханство представляло собой весьма слабое образование — и в политическом, и в экономическом, и в этнокультурном отношении. Являясь около трех веков вассалом Османской империи, раздираемое борьбой соперничающих феодальных клик, оно оказалось на острие южного стратегического направления экспансии России в ее стремлении обрести надежный выход к Черному, следовательно — и Средиземному морям. В быстро менявшемся политическом раскладе середины XVIII в. Крым имел шансы сохранить свою самостоятельность только в результате решительных системных реформ. Однако экономический, равно как и социальный, потенциал для такого «прорыва» явно отсутствовал. Весьма характерен отказ от политической независимости, который с простодушной откровенностью продемонстрировал хан Селим-Гирей III (правил в 1770–1771 гг.) в своем официальном ответе российскому канцлеру Никите Панину: «...Объясняешь, что твоя королева желает прежние вольности татарские оставить, но подобные слова тебе писать не должно. Мы сами себя знаем. Мы Портою совершенно во всем довольны и благоденствием наслаждаемся. А в прежние времена, когда мы еще независимы от Порты Оттоманской были, какие

междоусобные брани внутри Крымской области и беспокойства происходили, все это пред светом явно; и потому прежние наши обыкновения за лучшие нам представлять какая тебе нужда» [цит. по: Соловьев, 1994, с. 355]. Думается, что у Селим-Гирея III были основания для таких «непатриотических» высказываний, поскольку борьба за власть и связанные с ней материальные выгоды носила в среде крымскотатарской элиты ожесточенно-непрерывный характер. Не всегда султанское влияние было благотворным, но в целом Стамбулу удавалось усмирять амбиции местных аристократических семейств¹. Как только влияние Порты ослабевало, самоубийственная вражда усиливалась. Если считать среднюю продолжительность правления одного хана косвенным индексом стабильности, то расчеты за период 1700–1767 гг. дают среднюю величину в 3,7 года, а для 1767–1783 гг. (период ослабления власти Стамбула) — только 1,4 года².

Вряд ли можно разорвать взаимосвязь политического и экономического несовершенства (если не сказать сильнее!) Крымского ханства. По главным экономическим показателям приходится признать, что крымскотатарская экономика вплоть до середины XIX в. оставалась на примитивном уровне XIII столетия.

ВЕК «НЕБЫТИЯ»: КОНЕЦ XVII — КОНЕЦ XIX в.

Зафиксированная многими исследователями низкая товарность и даже примитивность сельскохозяйственного уклада татар породила (уже после присоединения к России) пренебрежительное отношение к ним как экономическим субъектам. Повсеместная уверенность в неспособности крымских татар к модернизации производства, росту производительности сельского труда и созданию высокотоварных хозяйств стала одной из причин более чем спокойной реакции и царской администрации, и большинства землевладельцев нетатарского происхождения, и профессиональных экономистов на эмиграцию татар в XVIII — начале XX в. В качестве примера приведем весьма типичное мнение современника очередного эмиграционного взрыва: «Теперь речь идет о том, чтоб улучшить в Крыму земледелие, особенно же усилить овцеводство, и везде, где только можно, развести сады и виноградники. Крым должен со временем поить всю Россию своим вином, кормить своими фруктами и снабжать своим табаком. Татарам никогда этого не достигнуть: им даже и не думается, и не снится такая перспектива; их присутствие обрекает полуостров на вечный застой, тогда как всякое другое население быстро движет его вперед» [Щербань, 1860 (цит. по: *Забвению не подлежит*, 1992,

1 | Объективности ради отметим, что были случаи проведения крымскими ханами независимой внутренней и даже внешней политики. Инает-Гирей (1635–1637) преследовал с помощью казаков просултанские кланы ширинских беев и даже сражался (и победил!) под Кафой османские войска. Ислам-Гирей III (1644–1654 гг.) также позволял себе открытое неповиновение султанской воле, вел активную внешнюю политику, прославился успешными административными реформами и строительной деятельностью.

2 | Рассчитано автором по: [Романько, Бельский, 1996, с. 22–40].

с. 37)]. Озабоченность вызывала лишь чрезмерная скорость и массовость выезда, которые никак не успевала компенсировать централизованная политика переселения на освобождавшиеся земли русских, украинцев, греков, болгар, немцев и иных колонистов.

Яркое, хотя и нелицеприятное описание экономических «достоинств» и самого образа жизни крымских татар оставил российский специалист по лесоводству А.Ф. Погоский, работавший в горном Крыму летом и осенью 1854 г. Его оценки резковаты, но в них нет ни тени шовинизма: русским и прочим этносам достается в его воспоминаниях не меньше, чем татарам. Вот описание типичного южнобережного хозяйства: «В Алушке я ночевал в сакле татарина. Сосед его, владеющий 25–30 квадратными саженьями земли, оплачивает все свои подати и чинши³ одним деревом грецкого ореха: оно дает до 25 тысяч орехов, продающимся русским скупщикам по 1 рублю серебром тысяча. Это благодатное дерево да десяток баранов в горах, в общественной отаре, составляют всю его годовую заботу; дня два-три сбор орехов да два дня стрижка овец, затем остальные 360 дней препровождаются в сидении на корточках в крошении и бесконечном курении табаку и беспрестанных омовениях. Инжир, винная ягода, кустов пять винограда, миндаль и две маслины — этого хватает на годовое продовольствие всей татарской семьи. Вообще этот народ, впрочем, не неодаренный способностями, заживо тлеет от бездействия...» [Погоский, 2003, с. 21]⁴.

Попытки обвинить царское правительство в сознательном выдавливании и даже геноциде крымских татар не выдерживают никакой критики. Выдающийся деятель крымскотатарского национального движения Амет Озенбашлы посвятил этой теме специальный очерк [Озенбашлы, 1926, с. 143–146]⁵, но ни один документ, им процитированный, не подтвердил его резких обвинений. Фактически перед правительством стояла единственная дилемма: позволить или не позволить татарам добровольно уехать за границу. Когда выявились негативные экономические аспекты слишком массовой эмиграции, власть пыталась ее сдерживать (и достаточно успешно). Другой вопрос, что царское правительство откровенно препятствовало репатриации тех, кто разочаровался в «замечательной» жизни единоверцев в Турции и прочих местах. Легальный путь возврата был для татар действительно закрыт, хотя тоненький ручеек тайной репатриации существовал практически всегда.

П. Г. Усенко внес в заглавие своего доклада [Усенко, 1996, с. 84] жесткий термин «выселение», но ни одного аргумента в подтвержде-

3 | Чинш — денежный или продуктовый побор с крестьянина в пользу землевладельца.

4 | А.Ф. Погоский внимательно приглядывался к межнациональным коллизиям в Крыму, и решительность его высказываний часто основывается на незаурядной проницательности. Очень верно он сумел подметить слабую религиозность татар и их напряженные отношения с весьма многочисленными в то время — особенно на Южном берегу — этническими турками. «Татарин ленив, беспечен, немножко растлен и оттого приглуловат, но при всей своей доброте и честности он не менее вороватых племен способен к развитию. Фанатизм магометанства крепко подорван у татар оказываемой им терпимостью, человеческим обращением с ними и особенно уважением к кадрам их же».

5 | См. факсимильное воспроизведение в: [Озенбашлы, 1997, с. 52–55].

ние такой политики не привел; нельзя же считать известное пожелание Александра II «не препятствовать тайному и даже явному переселению» проявлением геноцида. Приводимая П.Г. Усенко цитата из протатарской (и антисамодержавной) статьи В. Кельсиева в «Колоколе» (от 22 декабря 1861) действительно напоминает читателям об ущемлении социально-экономических прав крымских татар после аннексии Крыма Россией. Однако интерпретация В. Кельсиевым послевоенной волны эмиграции явно противоречит концепции насильственного изгнания, а в заключительной части не только расходится с фактическим положением дел, но выглядит весьма двусмысленно: «...уход многих татар из Крыма *вместе с союзниками* (курсив мой. — А. В.) объясняется более страхом перед правительством, чем ненавистью к нему» [там же, с. 86].

Думаю, что с П.Г. Усенко дурную шутку сыграло прямое заимствование из известной статьи графа Э.И. Тотлебена, озаглавленной «О выселении татар из Крыма в 1860 г.» [*Русская старина*, т. LXXVIII, июнь 1893]⁶. В середине XIX в. термин «выселение» часто использовался в значении «выезд», «отъезд», а в данной статье употреблен *исключительно* в значении «выезд», «эмиграция». Лишь во второй половине XX в. этот термин приобрел оттенок явной насильственности (жизнь, увы, внесла эти неприятные коррективы) и превратился в синоним слова «депортация».

Резко осуждая злоупотребления местной власти и помещиков в отношении крымских татар, довольно объективно описывая случаи коллаборационизма части татарского населения в западной и юго-западной части полуострова во время военной кампании 1854–1855 гг., Э.И. Тотлебен констатирует законопослушность и преданность российскому престолу большинства татарского населения. Драматически очертив тяжелые последствия массового выезда крымских татар для экономики края, граф предложил ряд мер для сдерживания этого процесса и одновременно для стимулирования притока на полуостров поселенцев различных типов.

Избегая переноса в прошлое этических категорий начала XXI в., мы обязаны объективно взглянуть не только на «высокую» политику верховной власти империи в Таврической губернии, но и на нижние этажи этой власти, с которыми постоянно и часто мучительно сталкивались рядовые татары. Здесь уместно будет процитировать фрагмент знаменитого манифеста Екатерины II от 8 апреля 1783 г. по поводу присоединения Крыма и Кубани к владениям империи: «...обещаем свято и непоколебимо за Себя и Преемников Престола Нашего содержать их [жителей] наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущества, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновен-

6 | Эдуард Иванович Тотлебен (1818–1884) — видный русский военный деятель, один из главных руководителей обороны Севастополя в Крымской войне 1853–1856 гг. После 1879 г. занимал крупные административные посты.

но...» [ПСЗРИ, т. XXI, с. 708]. К сожалению, этот высокопарный текст оказался демагогией и, если воспользоваться словарем XXI в., чистым популизмом. Ни «преемники», ни чиновничий аппарат, ни частные лица не приложили должных усилий для выполнения царственных обещаний.

Как известно, в современном Крыму кипят этнополитические страсти вокруг возведения в Симферополе (а еще в Севастополе, но поменьше) монумента Екатерине II. Ненависть людей XXI в. к крупным историческим фигурам былых эпох нелепа и обычно является лишь поводом и инструментом для политических кампаний, но нетрудно понять, что в народной памяти крымских татар императрица осталась не только поработителем, но и обманщицей. В России лишь последние два десятилетия вошло в моду воспевание империи Романовых, и не стоит забывать, что все семьдесят лет коммунистической власти царский режим именовался «тюрьмой народов».

Предоставим слово Г.П. Левицкому — одному из наиболее последовательных и убедительных критиков социально-экономических аспектов межнациональных (и межконфессиональных) отношений в Российской империи. Вот к каким грустным выводам пришел этот исследователь в своей статье «Переселение татар из Крыма в Турцию», опубликованной в октябрьской книжке «Вестника Европы» за 1882 г. (с. 596–639)⁷.

«Неудовлетворительность или, лучше сказать, вопиющая несправедливость, отличавшая все распоряжения местного начальства, как только дело касалось поземельной собственности татарского народонаселения, отразилась также, если только не с большей еще силою, и на всем прочем его достоянии. Ничто не избежало насилия и произвола: ни леса, которые в некоторых местах татары имели полное право считать своими собственными, ни вода, которая, как дело идет о водопое и орошении лугов и садов в стране маловодной, как большая часть Крымского полуострова, не может быть исключительной собственностью какого-нибудь одного лица, то есть чтобы предмет всеобщей необходимости превращался в источник дохода для одного. Но всякая истина, что частная польза должна уступить общему благу, никогда не имела применения к бедному татарскому народонаселению в Крыму.

Повинности, отправляемые этим народом, как в отношении помещиков, на земле которых они были поселены, так и относительно исправления дорог и других общественных обязанностей, представляют не менее плачевное зрелище. Как и в поземельной собственности, являются тут притеснения, насилие, самоуправство, отказ в должной справедливости и защите, жадность и невнимание начальства, которому вверена вся их жизнь, и высокомерный деспотизм в связи с каким-то тупоумным религиозным презрением. Вот каков был удел тех, ко-

7 | Статья цитируется по переизданию: [Левицкий, 1992, с. 118–161].

торых правительство желало видеть счастливыми и жизнь которых, по весьма естественным причинам, кроющимся в зараженных недрах нашей всеобъемлющей и всеискажающей бюрократии, в пределах Крымского полуострова превратилась, напротив того, в почти невыносимый илотизм.

Несмотря на это, верные своей скорее ленивой, чем деятельной, даже апатичной натуре, всегда склонной к кейфу и созерцанию, а более еще к молчаливому долготерпению — естественному последствию их фаталистических верований: чему быть, того не миновать — татары, тихие и кроткие по нравам и обычаям, обусловленным благорастворенностью климата и чудным плодородием страны, безропотно переносили все несправедливости и обиды, и в продолжении долгого ряда лет, протекших между присоединением Крыма к России и последнею войною (1853–1856), едва ли можно указать между татарским народонаселением хотя бы один случай неповиновения или строптивого сопротивления начальству и властям. Если и проявлялись случаи какой-либо важности, то они прекращались скорее, нежели вспыхивали, никогда не обнимали целые массы, но ограничивались единицами, а главное, имели всегда подстрекателями или тайною пружиною своего появления людей нетатарского происхождения. Смело можно сказать, что всякий другой народ, будь даже наше русское народонаселение, не перенес бы без ропота или явного сопротивления и десятой части обид и несправедливостей, перетерпевших татарами, которых однако ж, не только люди низших слоев администрации или местного управления, но и лица, влиятельные по значению и занимаемому месту, без всяких убеждений, считали вредными и дурными».

Мрачность картины российского владычества отчасти объясняется концентрацией внимания лишь на негативных сторонах крымскотатарской жизни, однако необходимо признать, что те немногие элементы прогресса, которые все же приносила на полуостров стагнирующая николаевская Россия, практически не имели шансов оказать влияние на рядовых татар.

И вот разразилась закономерно проигранная Крымская война. Победа в ней антироссийской коалиции и, главное, участие в этой коалиции Турции (Порты), не могло не породить коллаборационизма среди поработанных и униженных крымских татар. Г.П. Левицкий описывает послевоенную ситуацию следующим образом: «Забывая, что ни справедливость, ни административная добросовестность не дозволяют брать отдельные случаи для того, чтоб возводить хулу или клеветать на целый народ, враги татар воспользовались двумя или тремя случаями из последней войны, доказывающими только, что и между ними есть тоже негодяи, чтобы осудить всех мусульман Крымского полуострова и свалить на них неуспешный исход последней кампании.

Посмотрим же теперь, чем их упрекали и действительно ли заслуживали татары произнесенные против них обвинения. Их осуждают:

1) за то, что между татарами евпаторийского и феодосийского уездов были изменники, перебежчики и несколько случаев явной вражды или нерасположения к русским;

2) потому, что масса этого народа осталась как бы холодной зрительницей изумительных эпизодов этой достопримечательной борьбы и выказывала предпочтительно некоторого рода сочувствие своим единомерцам туркам;

3) за то, что после отплытия союзных армий из Крыма небольшая часть татарского народонаселения двух вышеозначенных уездов покинула полуостров и последовала за неприятелем.

Как видно, всех этих обвинений недостаточно для того, чтоб порицать целое народонаселение. Действительно, эти случаи преступны и заслуживают строгого наказания, в таком случае пусть наказание падает на одних виновных и микует невинных. Действовать противным образом значило бы взysкивать со всего рода человеческого за то, что какой-нибудь отдельный человек нарушил законы или содеял преступление. Разве и в нашей армии, высокое достоинство которой оценивалось врагами, может быть, еще выше, нежели самими нами, не было изменников, грабителей, дезертиров, одним словом — примеров вероломства, отвратительного сребролюбия, гнусного забвения чести и долга и низкого предательства?»

Хотя многие упреки Г.П. Левицкого справедливы, стоит отметить, что этот автор несомненно принадлежал к многочисленной когорте либеральных критиков царизма, умевших талантливо искать и обличать недостатки имперского правления, не замечая его достоинств. К тому же Г.П. Левицкий «забывает», что целью Крымской (Восточной) войны было не только превращение России во второразрядную державу. Ее стремились в первую очередь лишить Крыма и Кавказа, передав их под власть Турции, ослабшей и вставшей в зависимость от Великобритании и Франции. Перспектива реставрации турецкого господства в Крыму была весьма реальна и хорошо осознавалась крымскотатарской элитой, которая оказалась на распутье (эта ситуация повторится и в XX в. при обоих германских нашествиях — в 1918 и 1941 гг.). Неудивительно, что турецкий экспедиционный корпус включал в себя конный полк, специально укомплектованный представителями крымскотатарской диаспоры для установления надежных связей с местным населением. Единые вера, язык и культура — разве это не достаточное основание для коллаборационизма? Что же удержало этническое большинство от массового перехода на сторону коалиции? Мне видится только одна серьезная причина: разумная осмотрительность татар. Информация о разгроме турецких сухопутных армий на Кавказе и турецкого флота в Синопе еще в 1853 г. стала известна любому крымчанину. Позиционный характер боевых действий на полуострове не давал гарантий

быстрой победы союзников. Поэтому активно сотрудничать с врагом стало население лишь тех районов, которые подверглись оккупации. Но отрицать этот вполне объяснимый и логичный коллаборационизм нелепо.

Хочу привести еще один исторический аргумент в пользу «логичности» крымскотатарского коллаборационизма. Как известно, сразу после перехода Крыма под власть российской короны были созданы воинские формирования из коренного населения, которые неплохо зарекомендовали себя в конфликтах первой половины XIX в., причем за героизм, проявленное в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., крымцы получили немало наград. Никаких колебаний или предательств не зафиксировано, поскольку не возникало сомнений относительно местоположения победителя. «Совсем по-другому была воспринята Крымская война 1853–1856 гг.: она разделила мусульманское население полуострова. Проосмански ориентированная часть беев, муруз и мулл, особенно в Ялте и Евпатории, открыто выступили на стороне англо-франко-турецкой коалиции, хотя основная часть крымских татар, в особенности военнотатары, остались верными присяге» [Абдуллин, 2007, с. 50].

Прошло полтора века. 10 сентября 2004 г. на полях бывших сражений под Севастополем открывали монумент памяти турецких солдат, погибших в Крымской войне. Прибыл главнокомандующий ВМС Турции адмирал Озден Ордек с почетным караулом моряков в белоснежной форме, старшие офицеры Украинского Черноморского флота, высшие чины из севастопольской администрации. Но крымских татар почему-то не пригласили. Это и несправедливо, и неправильно. Но представляет особый интерес официальная (меджлисовская, ибо в тот период газета «Голос Крыма» была рупором М. Джемилева) реакция: «В той войне был реальный шанс вырвать Крым из зубов Российской империи и возродить национальное государство крымских татар... Так, может, памятник павшим турецким воинам крымские татары могут воспринимать и как памятник своим соотечественникам, отдавшим жизни за свободу своей Родины?» [Сеитбекиров, 2004, с. 1]⁸. Интересно, о гипотетическом возрождении чего говорил «Голос Крыма»? Экономически и политически слабосильного многовекового вассала Порты?

Стоит привести еще одно суждение современного крымскотатарского публициста, который, на наш взгляд, видит национально-освободительные аспекты Крымской войны более трезво, чем «правозащитник» XIX в. Г.П. Левицкий: «Иллюзии той части крымских татар, которые верили и надеялись, что руками одних завоевателей можно

8 | Автор десятков статей на исторические сюжеты, А. Сеитбекиров почти всегда преследует цель опорочить политику России и этнических русских. Правда, он не унижается до откровенного расизма и физиологической ненависти В. Возгрина, но всегда избирательно пользуется фактами, отбирая приукрашивающие роль крымских татар и унижающие русских; замалчивает события, показывающие татар в дурном свете; занимается воспроизведением ложных слухов и мифов и т.п.

освободить народ от прежних, полностью рассеял Парижский договор, заключенный по окончании войны в 1856 г.» [Абдуллаев, 2003, с. 7].

Неудивительно, что в ходе проигранной Крымской войны и сразу после нее притеснения татар и их беды усилились, приведя в 1856–1862 гг. к эмиграции около 150 тыс. татар, что означало для их популяции в Крыму демографическую катастрофу, а для самого полуострова — экономический и, отчасти, экологический кризис. О некоторых дополнительных факторах миграции в Турцию убедительно писал М. Гольденберг: «Эмиграция не приняла бы таких грандиозных размеров, если бы она не подогревалась еще и другими обстоятельствами. Так, когда кавказским горцам было воспрещено оставаться на Кавказе и предложено или переселиться в Оренбургскую губернию или, кто не пожелает, выслаться в Турцию⁹, то они, предпочитая последнее и отправляясь через Крым, жаловались татарам на свое бедственное положение, и татары, слушая их рассказы, невольно задумывались и о своем положении — не предстоит ли и им насильственное выселение? Никто не трудился разубеждать их; напротив, сама администрация довольно прозрачными намеками поддерживала их опасения, имея в виду воспользоваться имуществом, которое татары должны будут покинуть. Расчет оказался верен.

Кроме того, эмиграция была на руку многим землевладельцам и учреждениям еще в том отношении, что они брали с выселявшихся “выкуп”: например, помещик деревень Бекелы-Базы и Орсуники взял с выселившихся с его земель татар по 21 руб. с каждого семейства. Карасубазарская дума брала с выселявшихся мещан по 10 руб., помимо того, что за паспорт взималось особо по 3 руб. 50 коп. Местное чиновничество также не упускало случая “попользоваться”, взимая при выдаче свидетельств или паспортов до того крупные “вознаграждения”, что многие прежде ничего не имевшие вдруг делались обладателями значительных состояний. Выселение между тем принимало все большие размеры, и в Крыму стало повторяться то же, что было вскоре после его завоевания: мирные труженики бросали насиженные места и бежали в Турцию. Просвещенный мир стал свидетелем необычайного явления — переселения стотысячного народа из пределов благоустроенной христианской державы в страну, прославленную неправдами и беззаконием правителей» [Гольденберг, 1882, т. VI, с. 73–74].

В результате нескольких волн эмиграции народ был сильно обескровлен, а продолжавшаяся иммиграция русских, украинцев, армян, немцев, евреев быстро снижала удельный вес крымских татар. Первая Всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала на полуострове 194,3 тыс. крымских татар (35,6 % всего населения). Их доля непре-

9 | Стоит отметить, что М. Гольденберг — скорее всего, умышленно — повторяет здесь антиправительственные безосновательные слухи, которые распространялись среди горцев Кавказа турецкими эмиссарами и местными князьками, стремившимися обеспечить себя в эмиграции личностнозависимыми соплеменниками. Несмотря на кровопролитность, изматывавшую длительность и «дороговизну» Кавказской войны, царское правительство после долгожданной победы никогда не проводило ни политики мстительной депортации покоренных народов, ни политики их целенаправленного выдавливания.

рывно сокращалась и в XX в., составив в 1921 г. только 26 % (к 1939 г. она упала до 19,4 %).

Стоит также отметить, что в начале XX в. у крымских татар еще существовали заметные языковые, культурные и даже антропологические различия между следующими этнографическими группами: южнобережные татары (*ялы бойлю*), горные (*тат*, или *татлар*) и степные (*ногаи*). Иногда выделяли и четвертую группу — центрально-крымские татары (*орта-юлак*) [*Етнічний довідник...*, 1996, с. 126]. Как это ни парадоксально, фактическое слияние этих групп в единый народ произошло уже после (и в результате) ссылки 1944 г.

Массовую эмиграцию крымских татар в XVII–XIX вв. не стоит оценивать лишь как механическое движение населения или как ординарный факт демографической истории. Мы имеем модель реакции этноса на давление среды, причем этноса недостаточно структурированного, но даже в своей мозаичности уже имевшего культурную и политическую историю. «Этническим» ответом в данном случае стала не вооруженная борьба против завоевателя-иноверца и не консолидация вокруг собственной элиты для отстаивания политических и экономических прав, но бегство с земли предков на территорию Османской империи. Успешные «рекламные кампании» братьев-турок и собственные страхи и опасения оказались фатальными для любых форм возможного суверенитета. А обескровленная нация уже не имела шансов его восстановить.

ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ, ПАНТЮРКИЗМ И РОЖДЕНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Обратимся теперь к культурно-идеологическому фону конца XIX — начала XX в., на котором впоследствии развивались и политическая деятельность крымскотатарских лидеров, и весьма скромные по масштабам политические движения народных масс. Собственно, этот весьма мозаичный «фон» во многом и определял идентичность далекого от монолитности этноса. Крымские татары того времени разительно отличались от современных: бедность, высокая смертность¹⁰, очень низкий уровень образования, умеренная, но всеобщая религиозность, крайне слабое владение русским языком (сельское население по большей части не знало его вовсе).

Вряд ли можно анализировать национальную идентичность без учета господствующей системы (или систем) народного образования. Этой теме посвящены и немногочисленные специальные научные работы,

10 | В начале XX в. даже городское мусульманское население (т.е. прежде всего крымские татары, а также небольшое количество турок, цыган и татар казанских) из-за антисанитарии и полной медицинской безграмотности постепенно вымирало. Так, в относительно спокойные 1908–1912 гг. превышение числа умерших над родившимися за пять лет составило в г. Симферополе 182 человека. Сходная ситуация сложилась и в таких городах, как Евпатория, Феодосия, Карасубазар, Керчь и др. [см.: Ривкин, 1914, с. 73–74].

и литературные произведения, и обширная публицистика. Попытки научного анализа многообразного и зачастую ненадежного статистического материала (количества учебных заведений и учащихся в них в XIX — начале XX), рассмотрение учебных программ и отчетов проверяющих органов дают возможность получить представление о сложной и противоречивой ситуации в сфере образования у крымских татар. Прежде всего отметим тотальное господство в этой сфере консервативного исламского духовенства, стратегической задачей которого, вплоть до его изгнания с авансцены идеологической жизни в 1920-х гг., оставалась консервация традиций, воспроизводство отживших социальных отношений. Но как бы мы ни симпатизировали Исмаилу Гаспринскому и его сторонникам в борьбе с «мракобесием мулл», в нынешнем видении крымскотатарских проблем на рубеже столетий мы не можем не учитывать богатейший опыт XX века. Этот «век национализма» вновь и вновь выводил на передний план столкновение между традицией и новацией, и консерваторы непременно — и не без серьезных оснований — позиционировали себя в роли хранителей национальной культуры. Примитивный социологизм большевистского толка делал упор лишь на корыстолюбии мулл и мудеррисов, на их стремлении обогатиться за счет вакуфных имуществ и удержаться на запятках кареты имперской власти. Но нельзя отрицать и другое — мусульманское духовенство старалось спасти крымских татар от пагубного для них, разрушающего традиционный уклад модернизаторства, от леворадикальных идей, напиравших и с севера (из России), и с юга (из духовной alma mater — Турции).

На протяжении XIX–XX вв. важную роль в формировании идентичности крымских татар играл ислам, внедрявшийся в сознание детей как в семье (весь период), так и через образовательные системы (до 1920-х гг. и после длительного перерыва — в 1990-е гг.). До революции 1917 г. ислам, естественно, пропитывал всю систему образования подрастающих поколений. Система была двухступенчатой: начальное образование получали в мектебах, а среднее — в медресе. Первое состояло в основном из заучивания отдельных молитв на арабском языке, который детям был совершенно непонятен, и усваивания выборочных мест из Корана в изложении и толковании учителя. В тех случаях, когда занятия в мектебе вел не малограмотный слушатель из ближайшего медресе, а человек с жизненным и религиозным опытом, у детей появлялся шанс пройти минимальный курс социализации и духовного роста. Но, судя по многочисленным сохранившимся описаниям учебного процесса, такое случалось нечасто.

На таком безрадостном фоне начал свою просветительскую деятельность великий Исмаил Гаспринский (1851–1914)¹¹, поставивший

11 | Исмаилу Гаспринскому, его трудам и его многогранной деятельности посвящены сотни книг и статей на русском, английском, турецком, крымскотатарском, арабском и других языках. Мировая слава, заслуженно пришедшая к этому выдающемуся представителю крымскотатарского народа в начале XX в., не избавила его от тяжелых проблем и разочарований, а судьбу его главных идей — от крушения в столкновении с реалиями национализировавшегося мира.

перед собой ряд трудных целей, из коих можно выделить следующие: 1) модернизация системы образования и всемерное развитие его различных ступеней (начального, среднего, высшего) на родном языке; 2) модернизация и либерализация ислама и, следовательно, исламского образования; 3) пропаганда и распространение пантюркизма, который Гаспринский понимал сугубо в культурно-идеологическом контексте, без какого-либо политического экстремизма. Это означало в тот момент безусловную лояльность к российской власти и даже активное с ней сотрудничество. Напомним оценку «тюрьмы народов» И. Гаспринского, мудрости которого могли бы поучиться многие национальные лидеры постсоветского пространства: **«Рождаясь и живя в России, под охраной и покровительством общегосударственных законов, неся, наравне со всеми, общие обязанности и повинности, русские мусульмане исполняют свой долг как верноподданные граждане России. Но этого мало. Желательно, чтобы эта еще внешняя, официальная связь приобретала все более и более нравственный характер; чтобы она неустанно укреплялась и оживлялась сознанием не только ее политической необходимости, но и сознанием ее внутреннего исторического значения и полезности; желательно, чтобы русское мусульманство прониклось убеждением в том, что Провидение, соединив его судьбы с судьбами великой России, открыло пред ним удобные пути к цивилизации, образованности и прогрессу»** [Гаспринский, 1993, с. 27] (выделено мной. — А. В.).

Уважение И. Гаспринского к институтам политической власти в государстве вовсе не означало, что он был патриотом Российской империи. Гаспринский был, конечно, националистом, но просвещенным, очень много знавшим о жизни самых разных народов и, несомненно, мудрым. Он трезво оценивал уровень культуры и цивилизационной зрелости крымских татар, их очевидную политическую слабость и понимал, что нужно время для «взреления». И сторонником самодержавия он быть не мог — русская интеллигенция, с которой он общался десятилетиями, боролась с царизмом с упорством, достойным лучшего применения. Но в конце XIX — начале XX в. Крым никак не мог «выскочить» из рамок России, а значит, с Россией надо было сосуществовать с максимальной пользой для себя. Здесь нельзя не согласиться с Алексеем Миллером, что мотивы для принятия «русифицирующей» ассимиляции у народов империи могли быть вполне националистическими. Во многих районах империи вестернизация шла из России и через русские институты, и модернизационные стратегии локальных сообществ могли предполагать частичную, инструментальную русификацию. Так, мусульманская интеллигенция (пример — И. Гаспринский) в конце XIX — начале XX в. ратовала за усвоение русского языка именно как инструмента, во-первых, облегчающего доступ к западноевропейской мысли и образованности, откуда можно было черпать идеи и ресурсы

для собственных националистических проектов, а во-вторых, дающего возможность более эффективно отстаивать интересы локального сообщества в отношениях с властями империи и перед общественным мнением [Миллер, 2006, с. 62].

Хорошо знакомый с ситуацией в Европе и на Ближнем Востоке, И. Гаспринский прекрасно понимал невозможность развития своего народа без образования и, шире, просвещения масс. Именно с этой целью он добился разрешения на издание независимой двуязычной (русско-крымскотатарской) газеты *Терджиман* («Переводчик», выходила в различном режиме с 1883 по 1918), которой руководил до конца своих дней. С помощью этой газеты, которая было широко известна во всех регионах проживания российских мусульман, И. Гаспринский пытался втянуть их в обсуждение и решение общегосударственных, общечисламских и общекультурных проблем. Естественно, что эти попытки встретили многообразное сопротивление, причем сначала исключительно справа, а с периода Первой русской революции — и слева.

Есть все основания полагать, что консервативное сельское общество в целом отторгало идеи просвещения, видело в них (и не без оснований!) угрозу идеологической и социальной стабильности. Атмосферу вокруг нетрадиционного земского школьного образования, робко формировавшегося со второй половины 1860-х гг., очень наглядно иллюстрирует выступление учителя Джемилева, который в Ялтинском уездном земском собрании уже в разгар Первой русской революции и после многолетних пропагандистских усилий И. Гаспринского и его сторонников указывал, что крымскотатарские учителя попадают в деревне не просто в невежественную, но во враждебно настроенную к ним среду, видящую в них как бы отступников [*Ялтинское уездное...*, 1906, с. 529].

Но дело было не только в «отступничестве», но и в очевидной слабости педагогической и общекультурной подготовки учителей-татар. Предоставим слово видному деятелю в сфере культуры и политики, публицисту и издателю, первому крымскотатарскому депутату общероссийской Думы (II созыва), выпускнику Симферопольской татарской учительской школы, политику и публицисту Абдурешиду Медиеву (1881–1912):

Татарские министерские школы не пользуются популярностью среди населения Крыма. В больших татарских центрах, с пятью, шестью тысячами чисто татарского населения министерская школа в своих стенах еле-еле насчитывает 25–30 учащихся. В прошлом учебном году был даже такой случай: новооткрытую школу в деревне Отузы Феодосийского уезда (в Отузах 300–400 дворов) посещали лишь два мальчика. Если принять во внимание тот неудержимый рост желания обучаться отечественному языку и отечественной грамоте, который замечается в последнее время среди крымскотатарского населения, то это печальное явление — опустение татарских министерских учи-

лиц — нужно поставить в вину исключительно плохой организации министерских школ для татар и стоящим во главе этих школ начальным учителям, которые не умеют привлекать симпатии населения к школе...

...Жалобы и сетования многих татар сводятся к тому, что татарские учителя, кроме обучения детей «читать, писать по-русски», ничего не знают, и — что возмутительнее всего — не умеют в большинстве случаев даже подписываться по-татарски. Последнее обстоятельство имеет особенное значение в глазах татар, по укоренившемуся понятию которых каждый претендующий на порядочность человек, а тем более учитель народный, не должен пренебрегать своим родным языком [Медиев, 1903 (цит. по: Медиев, 2005, с. 38–39)].

В другой публикации А. Медиев подводил мрачный итог пореформенного развития крымских татар в Северном Крыму, своей малой родине:

С введением земских учреждений татары, наравне со всем остальным населением края, казалось бы, вправе были претендовать на некоторое внимание к себе. Но прошло сорок лет, а в положении татар не только ничего не изменилось к лучшему, но оно пришло в такое экономическое оскудение, что татары за последнее время представляют из себя в большинстве кучу как бы нищих голодающих полупариев. Настоящее положение татар в Перекопском уезде — это момент, с которого еще один шаг дальше — начнется дегенерация народа. Спрашивается, что же привело татар к такому плачевному состоянию? На этот вопрос может быть только один ответ: поголовное невежество и последствия невежества, косность и культурная отсталость [Медиев, 2005, с. 69].

Как и во всех проявлениях социальной реальности, ситуация в образовании в конце XIX в. и позже складывалась по-разному. Были немногочисленные мектебы с достаточным финансовым обеспечением, квалифицированным преподавательским составом, с удовлетворительными в санитарно-гигиеническом отношении помещениями для занятий. Конечно, несмотря на безнадежность картины в целом, находились одаренные дети, которые преодолевали все препятствия и становились знающими и энергичными личностями. Во всяком случае, всплеск политической и социальной активности в 1917–1918 гг. не мог возникнуть на фоне полного бескультурья. Но несомненно и то, что в последней трети XIX в. ситуация и с грамотностью и с уровнем общей культуры у крымских татар была удручающей. Должны были произойти кардинальные перемены и внутри этноса, и вовне, чтобы сформировались хоть какие-то элементы общенационального сознания и выработались общенациональные цели. Видимо, до Первой русской революции, ознаменовавшей глубокое потрясение социально-политических основ империи, крымскотатарская элита могла видеть себя только в рамках карьеры на общегосударственной ниве, а рядовые татары помышляли лишь о хлебе насущном.

Ясно, что такая ситуация не способствовала сложению какого-либо этнополитического единства у татар, несмотря на благоприятный для этого общеимперский фон. Системный кризис Российской империи, приведший к революции 1905–1907 гг., давал малым народам значительные возможности для консолидации, но для крымских татар время еще не настало. Хакан Кырымлы вынужден констатировать, что «...и до 1905 г. и даже позже подавляющее большинство крымско-татарского населения пребывало за пределами какой-либо политики. Политически ориентированные группы или личности были исключением. Гаспринский и его последователи (Махмут Рефат, Осман Акчокракли, Исмаил Люманов, Хасан Сабри Айвазов и другие) были заняты в основном “просвещением народа” и распространением новых методов преподавания» [Kirimli, 1996, p. 55]. Очень ярким свидетельством массовой аполитичности татар и в то же время появления среди них отдельных социально и политически активных личностей является недавно введенное в научный оборот письмо И. Гаспринского из Бахчисарая от 8 июля 1911 г. его дочери Шефике Юсуфбейли, которая лечилась в тот момент от туберкулеза в Поволжье: «...Арестованы также 15 татар... Обвинения политические. Вообрази себе политических татар! Ну времена!» [*Гасырлар авазы*, 1999, с. 203–208].

О глубокой социально-экономической отсталости крымских татар в конце XIX в. свидетельствуют данные статистики по главным городам полуострова. В столичном Симферополе из 247 предприятий и фирм ремесленного, промышленного или торгового направления только 6 принадлежали татарам (2,4 %), в Евпатории это соотношение составляло 13 к 118, в Ялте — 13 к 117, а в Феодосии — 1 к 136. Даже в таком чисто «татарском» городе, как Бахчисарай, эта пропорция была 50 к 100 [*Вся Россия*, 1900].

И все же век перемен уже наступил. Хотя бесправные и неимущие сельские татары смогли ответить на вызовы времени только традиционным бегством в Турцию, в городах уже шли неоспоримые подвижки. Крымские татары начали проявлять новую для себя, но весьма востребованную в XX в. приспособляемость к социально-экономическим изменениям. Для грани веков очень характерное наблюдение сделал Е.Л. Марков: «Прежней наивной и бедной Ялты узнать нельзя... Откуда ни возьмись, явились магазины, склады, всевозможные мастера... Простодушный татарин — в Ялте уже цивилизованный эксплуататор и плут» [Марков, 1902, с. 354].

Неустанная просветительская деятельность И. Гаспринского и его последователей дала уже в начале XX в. некоторые плоды. Сформировался, пусть еще очень тонкий, слой образованных и быстро политически развивающихся крымских татар. Наличие такого слоя позволило Гаспринскому 26 октября 1905 г. провести в Бахчисарае политический митинг, на котором крымские татары единогласно поддержали кадетов. Спустя месяц на подобном митинге в Симферополе было решено

войти в состав Всероссийского союза русских мусульман («Иттифак эль-муслим»).

Системный кризис в империи, ослабление властной вертикали способствовали росту национального самосознания татар, но так как в целом оно было еще слабо, это вело к сильнейшей зависимости от общероссийских тенденций, в частности от радикализации социалистических партий. Под воздействием бурлящего котла имперской политической жизни постепенно началось разложение упомянутого тонкого слоя крымскотатарской интеллигенции на весь спектр политической борьбы в самой России. Но процесс этот был очень длительным — достаточно сказать, что на выборах в I Государственную думу крымские татары не выдвинули ни одного своего кандидата. Только во II Думе появился такой национальный депутат — уже упоминавшийся Рашид [Абдурешид] Медиев [см.: Оболенский, 1994, с. 61].

Характерно, что мудрый И. Гаспринский предостерегал татарскую радикальную молодежь от чрезмерной поспешности в социально-политической борьбе, от увлечения социалистическими и коммунистическими идеями. В 1906 г. в полемике с радикалами он писал: «Хотя у нас в собственности один мыловаренный заводик с пятью рабочими, две или три наших газеты уже готовы боготворить социалистические проповеди Карла Маркса» [*Tercüman*, 2.08.1906 (цит. по: Kirimli, 1996, p. 122)].

О думской деятельности крымских татар стоит сказать особо. Несмотря на их тогда еще внушительное представительство в населении полуострова (чуть более 30 %), шансов на избрание голосами соплеменников у А. Медиева не было. Придерживаясь эсэровских взглядов, он все же согласился баллотироваться по списку кадетов и прошел голосами русских и украинских выборщиков от северных (некрымских) районов Таврической губернии. Во II Думе А. Медиев стал известен леворадикальными речами в защиту экономических и социальных интересов собственного народа и мусульман империи в целом. В III Думе по списку октябристов был представлен уже другой депутат из крымских татар — Исмаил Мирза Муфтий-заде, отставной полковник, потомственный дворянин весьма консервативной ориентации. Хотя законотворческая деятельность обоих депутатов была не слишком успешной, сам факт присутствия крымского татарина в высшем законодательном органе страны не мог не подпитывать рост национальных чувств. В качестве курьезной исторической аналогии (может быть, иронии?) отметим, что в конце XX — начале XXI в. в Верховную раду Украины также попали два депутата из татар (М. Джемилев и Р. Чубаров), и также в результате партийно-политических комбинаций по списку не татарской, а украинской партии.

Крайне медленные темпы этнической идентификации у татар Крыма были во второй половине XIX в. не только естественным следствием исторических особенностей генезиса самого этноса, но

и сложившейся идеологии Российской империи, где в главных ролях выступали государственная и конфессиональная идентичности. И в документах, удостоверяющих личность, и в статистических материалах мы не обнаружим термина «русский», но лишь «православный». То же относилось и к мусульманам империи: не аварец, узбек или татарин, но «магометанин». В Крыму ситуация была еще сложнее, поскольку на крымских татар мощно влияли следующие дополнительные обстоятельства: 1) многовековая политическая, экономическая и культурная зависимость от Османской империи; 2) конфессиональная подчиненность Стамбулу; 3) языковая близость к туркам; 4) постоянно ощущаемая родственная близость к сотням тысяч соплеменников, эмигрировавших на земли соседней империи. Количественное преобладание диаспоры над метрополией создавало дополнительные мучительные переживания в поисках этнической самоидентификации; 5) давняя и сильная взаимосвязь крымскотатарской элиты с российским правящим классом. Перечисленное можно считать внутриэтническими трудностями, но существовали и внешние: имперский центр зорко надзирал за любыми проявлениями национальной, наднациональной (пантюркизм) и конфессиональной консолидации или сепаратизма. Стратегическое значение Крымского полуострова было столь велико, а память о поражении в войне с турецко-европейской коалицией так свежа, что жандармерия, да и прочие имперские институты, поглядывали на нарождавшуюся крымскотатарскую интеллигенцию с нескрываемым подозрением.

Исторические, политические, культурные, языковые, наконец, семейно-родственные связи между Турцией и Крымом поддерживались веками, а до 1783 г. это подкреплялось небольшим, но культурно значимым миграционным потоком из Анатолии на Южный берег Крыма, который издревле являлся регионом этнического смешения. Пожалуй, наиболее ярко — пусть и тенденциозно — о турецком влиянии на крымских татар написал Асан Сабри Айвазов (1878–1938), один из крупнейших деятелей национального движения татар в первой трети XX в.

Татары в течение 500 лет сильно ассимилировались: думали по-турецки, читали и писали по-турецки, одевались по-турецки. Все учебники получали из Турции. Учителя и муллы воспитывались в Турции. Так продолжалось до 1918 года.

До империалистической войны Крымский полуостров больше напоминал турецкий эйалет, чем русскую губернию, и по форме и по содержанию. Название татарских школ, их программа — все было по-турецки. Дома, как у бедных, так и у зажиточных татар, были украшены видами турецких городов и портретами деятелей Турции. У учителей на письменных столах стояли портреты турецких ученых, педагогов, поэтов и писателей. Это особенно стало заметно после турецкой революции 1908 года. А с 1905 года татары стали давать своим детям имена турецких деятелей.

Религиозная и национальная связь с 1900 года приобрели политический характер. Таким образом, с 1783 по 1917 год, то есть со дня аннексии Крыма до Великой Октябрьской революции, источником просвещения у татар были не русские учебники и учебные заведения, а турецкие школы. Крымские татары даже с русской жизнью и Россией знакомились, как это ни странно, через турецкую литературу. Так же как идея западничества шла через Турцию и турецкую литературу, а не через Петербург [Айвазов, 2005, с. 12–13].

Нельзя исключить, что при написании этого текста в тюрьме ОГПУ в 1937–1938 гг. А.С. Айвазов под нажимом следствия несколько усилил истинные масштабы турецкого влияния на этногенез татар, на их культуру и социально-политическое развитие. Во всяком случае, такой известный исследователь, как Хакан Кырымлы, анализируя проблемы образования на полуострове до революции 1917 г., признавал, что именно малочисленные русские школы и училища, призванные «русифицировать» татар, познакомили их с широким спектром революционных и националистических идей и стали одним из источников создания татарской интеллигенции [Kirimli, 1996, р. 28–29]. Вместе с тем Х. Кырымлы указывал, что крымскотатарская «половина» любимого детища И. Гаспринского, газеты «Терджиман», выходила именно на турецком языке (Ottoman Turkish) с вкраплениями крымскотатарских выражений, доля которых постепенно уменьшалась.

Анализируя бурные 1904–1907 гг., стоит отметить, что политическая незрелость крымскотатарского этноса была особенно заметна на фоне активной деятельности еврейских (Бунд, Поалей-Цион, сионисты, Социалистическая еврейская рабочая партия) и армянских (Гнчак, Дашнакцутюн) организаций. Доминантой, естественно, оставались общероссийские политические партии: от монархического «Союза русского народа» до леворадикальных социалистов-революционеров. Естественно, образованные татары, чья душа болела о судьбе своего угнетенного и разобщенного народа, присматривались к этому бурлящему разнообразию, отбирая подспудно те идеи и методы, которые могли бы послужить его интересам.

И. Гаспринский столкнулся с растущим противостоянием сразу на трех фронтах: 1) косное духовенство и давно прикормленные царизмом мурзаки (татарское дворянство) не желали поддерживать его попытки модернизировать систему образования, образ жизни и идеологию мусульман (этот курс реформ получил название «джадидизм»); 2) российские правоохранительные органы, проявляя порой серьезное недовольство широчайшей международной популярностью пантюкистских идей Гаспринского, усматривали в его турецких связях угрозу стабильности черноморских границ империи; 3) под конец жизни И. Гаспринского ему выказывала недовольство националистически и сепаратистски настроенная молодежь, которая, занимая анти-

монархические и леворадикальные позиции, возмущалась умеренностью и законопослушностью Великого Учителя.

В период от Первой до Второй русской революции постепенно формировался заметный слой крымскотатарских националистов, мировоззрение которых было тогда не просто аморфным, но зачастую включало в себя взаимоисключающие компоненты, что ясно отразилось в чуть ли не единственном в тот период самостоятельном крымскотатарском политическом документе (памфлете), созданном Джафером Сейдаметом в 1910 г. «Угнетенная татарская нация в XX веке» [Şehab Nezihî, 1328/1910]¹². В этом документе, отпечатанном несколькими тиражами в Турции и нелегально ввозившемся в Крым, сосуществуют самые противоречивые идеи: величие 35-миллионной татарской нации, славное прошлое крымских татар, революционно-демократический потенциал ислама, необходимость отдать свою жизнь в борьбе с ненавистным царизмом и его лакеями и т.д. Однако научная несостоятельность этого памфлета не мешала ему успешно будоражить сознание татарина, причем татарина не только крымского, настраивать его на антицаристский и антирусский лад, воспитывать протестные настроения.

Младотурецкая революция 1908 г. оказала очень мощное революционизирующее воздействие на крымскотатарскую интеллигенцию. Многие программные установки младотурок стали образцом для подражания. Их антиклерикализм и гендерная политика были позитивно восприняты в Крыму. Стоит специально подчеркнуть, что революционные перемены в политической, социальной и конфессиональной жизни Османской империи оказали на самые широкие слои крымских татар, может быть, более мощное воздействие, чем Первая русская революция, которая воспринималась (особенно на селе, где и проживало большинство татар), как нечто внешнее, чуждые татарину «русские заморочки». Напротив, вести из-за моря ловились жадно, с огромным интересом, активно обсуждались по всем кофейням и даже дома. После младотурецкой революции стала ощутимо нарастать секуляризация татарской жизни, началось активное раскрепощение женщин, снижался авторитет мулл.

Стоит подчеркнуть, что именно турецкий сдвиг к либерализму и революция 1908 г. стимулировали прогрессивные перемены в среде крымских татар. Эти перемены в предвоенный период обеспечили неожиданный на первый взгляд размах женского движения в бурном 1917 г. А раскрепощенность и высокий образовательный уровень женщин, несомненно, являются важным компонентом пробуждения нации, мощным стимулом формирования национальной общности.

После революции 1905 г. начала формироваться очень малочисленная, но, как показало дальнейшее развитие событий, весьма перспективная группа леворадикального марксистского толка (отметим

12 | Джафер Сейдамет выбрал себе псевдонимом турецкое имя, чтобы сбить с толку российскую охранку. Впрочем, это не помогло, и в апреле 1911 г. ему пришлось бежать в Париж, поскольку российский посол добился выдачи ордера на арест автора памфлета.

И. Фирдевса, К. Хамзина, О. Дерен-Айерлы, А. Боданинского). Для этой группы были неприемлемы и джадидизм, и лояльность, и пантюркизм Гаспринского. Надвигались тяжелейшие социально-экономические катаклизмы, и мировая известность не могла спасти великого просветителя, издателя, журналиста от жесткой критики политических оппонентов, а в советский период — от длительного забвения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КРЫМУ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ

Итак, в предвоенный период происходит заметный рост главной питательной среды национализма — интеллигенции: вслед за народными учителями появились первые адвокаты, врачи, художники и прочие лица свободных профессий. Естественно, росло число учащихся высших и средних учебных заведений. Кроме знаменитого «Терджимана», стали выходить еще несколько газет и листков. Спорадическая деятельность тайных обществ и полулегальных организаций протекала, видимо, не слишком заметно для деятелей российских партий. Недооценка этих подспудных процессов позволила видному члену партии кадетов и депутату I Государственной думы В.А. Оболенскому утверждать в своих интереснейших воспоминаниях, что до 1917 г. татарское национальное движение было скорее культурным, чем политическим. Большое влияние на пробуждение политического элемента в национальном движении крымских татар оказала война, особенно после того, как к числу врагов России присоединилась Турция. В татарской душе произошел конфликт между привычным бытовым верноподданством России и столь же привычным культурно-религиозным пафосом по отношению к Турции [Оболенский, 1994, с. 62]. Этот конфликт активно подогревался прямой подрывной деятельностью южного соседа — в материалах Таврического губернского жандармского управления за 1916 г. отложилось немало сведений о подпольной агитации среди крымских мусульман за оказание прямой помощи Турции в ее борьбе с Россией, о тиражировании и распространении антиправительственных «пораженческих» прокламаций, о помощи скрывающимся от высылки турецким подданным [Елагин, 1992, с. 74–75].

Февральская революция и начало системного кризиса власти в России внесли на первом этапе разброд в ряды крымскотатарского национального движения, ибо оно лишилось объединяющей антицаристской платформы.

Немедленным результатом падения царского режима стала атака левых на былую опору власти: крупнейших татарских землевладельцев и наследственных аристократов. Эпизод на съезде мусульман Крыма (март 1917), когда аудитория прогнала с трибуны городского голову Бахчисарая, крупного помещика Сулейман-бей Крымтаева, от-

четливо обозначил демократическую направляющую того периода. На этом съезде был избран Мусульманский исполнительный комитет, куда вошли деятели революционного и либерального направлений, причем многие из них стали вскоре главными действующими лицами бурных, постоянно меняющихся событий (Челебиев, Сейдамет, Хаттатов, Чапчакчи, Озенбашлы, Меметов, Айвазов, Боданинский, Тарпи и другие). Характерно, что на раннем этапе либеральных реформ в России крымскотатарское движение полностью поддержало Временное правительство не только в целом (съезд телеграммой заверил Петроград, что «крымские мусульмане будут всячески поддерживать новый строй»), но и по такому «неудобному» пункту, как сбор пожертвований в фонд победы над Германией и ее союзницей — Турцией [Елагин, 1992, с. 77].

Период гармонии с властями и идеями обновленной России продолжался и на Всероссийском мусульманском съезде в Москве (май 1917). Сколь далеко зашли симпатии татарских националистов к Временному правительству, показывает их реакция на корниловский мятеж. Мусульманский исполком не только обратился с антикорниловским воззванием к населению Крыма, не только создал специальную депутацию для агитации против мятежа в мусульманских корниловских частях, но и направил в Петербург настолько пророссийскую (я бы добавил — «прогаспринскую») телеграмму, что ее текст стоит воспроизвести целиком: «Видя в дерзком посягательстве генерала Корнилова на верховную власть в государстве страшную опасность завоевания революции, единству, целостности и могуществу России, крымские татары в лице своих Комитетов исполнительного и военного шлют свою готовность защищать Временное правительство и революцию до последней капли крови» [*Голос татар*, 2.09.1917 (цит. по: Елагин, 1992, с. 80)]. Впрочем, не будем преувеличивать искренность такого рода заявлений — там имел место и очевидный политический расчет, ведь победа Корнилова сулила молодым националистам скорое крушение всех их сепаратистских надежд.

С конца лета 1917 г. в политических структурах Крыма начали нарастать трения на национальной почве: сначала на ниве образовательной политики, а затем и по более серьезному вопросу — формированию крымскотатарских воинских частей. И в обоих случаях татары сумели настоять на своем (сказывался углублявшийся кризис власти!), что привело к очевидному росту антиатарских настроений на всех уровнях крымского общества. Это происходило на фоне серьезного информационного наступления новой политической элиты крымскотатарского народа: с конца июня стали выходить сразу три новых издания — «Крым аджагы» и «Миллет» на крымскотатарском языке, а также еженедельник «Голос татар» под редакцией Али Боданинского — на русском.

Индикатором массового формирования национального самосознания среди крымских татар может служить быстрое развитие женского движения. В середине апреля 1917 г. в Бахчисарае прошел первый митинг

мусульманок, на котором избрали городской женский революционный комитет во главе с дочерью И. Гаспринского Шефикой. И уже до конца месяца подобные комитеты возникли в Симферополе, Евпатории, Керчи и Феодосии, а в мае — во многих других городках и крупных татарских селах. На волне общероссийского революционного подъема в крымскотатарском женском движении органично соединилось стремление к социальному и национальному раскрепощению. Характеризуя невиданный всплеск активности мусульманок, глава Симферопольского женского комитета и моральный лидер общекрымского женского движения Шефика Гаспринская писала: «Впервые в истории тюрок и ислама женщина оказалась призванной к общественной жизни, выпрямила спину и сказала себе — “И я пойду!”». Важно отметить неперемное присутствие в речах феминисток и социального, и национального компонента. Они старательно подчеркивали, что причин дискриминации татарок было две: отсутствие права на родину и ошибочное толкование ислама [Фаизов, с. 2].

Усилившийся общероссийский политический кризис создавал объективные условия для роста национализма и сепаратизма по всей периферии империи. Это было время расцвета самых фантастических надежд, безмерных желаний, наивных, а порой чрезвычайно опасных иллюзий. Атмосферу несомненно завышенных ожиданий создали вокруг себя в 1917–1918 гг. и молодые крымскотатарские националисты. Революционная волна несла их вперед, и до первого отрезвления еще было время ощущать себя на гребне успеха.

Период между августом и декабром был насыщен до предела различными политическими событиями, меж- и внутривластными столкновениями, созданием и распадом коалиций. В ноябре все это развивалось на фоне так называемого триумфального шествия советской власти, сопровождавшегося небывалым и поистине трагическим расколом в российском обществе. Находясь в состоянии сложнейших политических маневров, большинство крымскотатарских политических лидеров решительно отказались признать большевистский переворот 25 октября. Они полностью поддержали совместную резолюцию, принятую собранием общественных и революционных организаций, где осуждалась «...попытка насильственного захвата власти со стороны большевиков Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». «Попытка эта является преступной авантюрой, могущей затормозить своевременный созыв Учредительного собрания», — значилось далее в резолюции [*Южные ведомости*, 27.10.1917 (цит. по: Елагин, 1992, с. 94)]. Это вполне разумное по тем временам решение (кстати, умело «разводящее» далеких питерских большевиков и собственных, крымских), а также последующие вооруженные столкновения с пробольшевистскими воинскими частями, полукриминальными отрядами севастопольских матросов и такими же красногвардейцами всех мастей создали позднее немало трудностей крымским татарам в их взаимоотношениях с побеждавшим советским строем.

26 ноября (9 декабря) 1917 г. усилиями уже достаточно многочисленных крымскотатарских организаций и прежде всего специально для этой цели созданной комиссии (А. Боданинский, А. Озенбашлы, Дж. Сейдамет, С.Д. Хаттатов, Ч. Челебиев) в Бахчисарае открылся Курултай (аналог парламенту, и даже скорее предпарламенту, поскольку парламентом должен был стать избираемый на Курултае меджлис). В первый Курултай было избрано 78 человек (в том числе 4 женщины), причем преобладала молодая татарская интеллигенция. К этому времени на территории всей Таврической губернии (полуостров плюс три материковых уезда) власть номинально принадлежала Совету народных представителей (СНП), избранному на съезде делегатов земств и городов всей губернии 20 ноября 1917 г. в Симферополе. Принятие Курултаем Конституции крымскотатарского народа и создание им исполнительного органа — Директории (правительства) привели к фактическому двоевластию в Крыму. При этом власть татарской Директории была более осязаема, так как она обладала военно-полицейскими силами в виде Крымского конного полка и двух пехотных мусульманских полков (всего 5–6 тыс. человек). Эти части действительно помогали поддерживать относительный порядок в условиях неизбежно нараставшей анархии и деградации моральных устоев.

Сложившееся двоевластие отражало объективную слабость не только СНП, но и крымскотатарской Директории, которая представляла не просто национальное меньшинство (в 1913 г. — около 31 % всего населения), но меньшинство преимущественно сельское, бедное, малограмотное, с пониженным социальным статусом. Именно эта реальность вынудила Джафера Сейдамета, будущего министра внутренних дел и обороны в Директории и одного из самых ярких лидеров национального движения, заявить на Курултае: «Наши притязания на высокую краевую власть незаконны, татарский национальный парламент не имеет никакого права на высшую власть, на гегемонию в крае... у нас есть краевая власть — Совет народных представителей. Кто мешает нам работать рука об руку с ним? В эту грозную минуту нам следует думать не о захвате власти, а о том, чтобы тушить повсеместно разгорающийся в крае пожар» [*Прибой*, 14.01.1918 (цит. по: Елагин, 1992, с. 104)]. Подчеркнем, что под «пожаром» Дж. Сейдамет понимал наступление большевистско-советской власти, противостоять которому он пытался все недолгое время пребывания в министрах. Надо, впрочем, заметить, что вполне обоснованная скромность этого крымскотатарского лидера уже в скором времени сменилась решительными претензиями на общекрымскую власть.

Что касается конституции, принятой Курултаем, то надо отметить общедемократический и весьма прогрессивный характер почти всех ее статей¹³. К сожалению, эта замечательная конституция осталась

13 | Наиболее полный и выверенный текст см.: [*Крымскотатарское...*, т. II, 1992, с. 22–25].

на бумаге — даже при благоприятных социально-политических обстоятельствах реализация ее вряд ли была возможна. Главная причина здесь в непримиримом противоречии между общенародной декларацией и узконациональной технологией самой власти. В многонациональном, но «русскокультурном» Крыму любые национальные претензии на высшую власть были обречены и автоматически приводили к этническим конфликтам. И хотя крымскотатарские конные разъезды действительно помогли наведению порядка в губернии, антипатия и неприязнь к власти Курултая у нетатарского населения постоянно росли. Этому способствовали и такие политические заявления лидеров Курултая, как «Обращение (прокламация) татарского национального правительства». В этом документе, датированном 18 декабря 1917 г., наряду с вполне привлекательными либерально-демократическими идеями, содержался следующий, весьма рискованный, пассаж: «Крымскотатарское национальное правительство... доводит до всеобщего сведения Национальную конституцию — основной закон крымских татар, которому *каждый гражданин обязан следовать* и который *каждый гражданин обязан уважать* (курсив мой. — А. В.)» [цит. по: *Крымскотатарское...*, т. I, 1992, с. 25–26].

Другой немаловажной особенностью политической ситуации декабря–января был глубокий идеологический раскол в рядах самого Курултая, где быстро сформировались три фракции. Левую, пробольшевистскую, возглавлял секретарь Курултая Али Боданинский, впоследствии единственный крымскотатарский официальный советский герой Гражданской войны (погиб при освобождении Крыма от врангелевских войск в 1920). «Центр» группировался вокруг главного муфтия Челебиджихана Челебиева, которого можно считать истинным либерал-демократом, всегда готовым к разумному компромиссу. Правые шли за энергичным и достаточно жестким Джафером Сейдаметом.

Впрочем, левое крыло не могло противостоять растущей консолидации национального движения татар, тем более что оно сознательно, а порой и против своей воли стало проводником влияния главного врага всех либерально-демократических сил — пробольшевистского Севастопольского военно-революционного комитета (создан 27 октября 1917). Нам представляется, что сама консолидация крымскотатарской национальной идеи в 1917–1918 гг., сепаратистские мечты и прожекты были объективным следствием кризиса не только власти в империи, но и социальных отношений на всех уровнях и даже шире — кризиса российской культуры в целом. Существенное влияние на формирование крымскотатарского сепаратизма оказало национальное движение на окраинах развалившейся империи и в особенности опыт Украины. Независимость последней, несмотря на чехарду киевских властителей и их внешнеполитических программ, вдохновляла курултаевцев. Дело было, конечно, не в приятных исторических воспоминаниях о совместных с запорожцами набегах на Польшу, а в холодном политическом расчете: независимая

Украина становилась заслоном от вероятных попыток России восстановить монопольную власть в Крыму (если обратиться к геополитической динамике 1990-х гг. в треугольнике Киев — Симферополь — Москва, то невольно убеждаешься, что история любит повторяться!). Конечно, возникшие позднее претензии Киева на Крымский полуостров не радовали лидеров крымских татар, но эти претензии были довольно слабо обеспечены. Самовольная аннексия Киевом трех северных, некрымских уездов (Днепровского, Мелитопольского и Бердянского) не сильно волновала татар, так же как и претензии украинцев на Черноморский флот, который, находясь «под большевиками», пока не мог являться для Курултая объектом первоочередной политики.

ПЕРВОЕ ПРИШЕСТВИЕ БОЛЬШЕВИЗМА

В декабре 1917 и в начале января 1918 г. расползание леворадикальной власти ревкомов, повсеместно подкрепленных вооруженными матросами, сопровождалось их столкновениями с мусульманскими частями (в основном конными, получившими в народе наименование «эскадронцы»). Убийства, грабежи, насилие матросов и примкнувшей к ним черни произвели тяжелое впечатление на современников и свидетелей. «Вместо творческой созидательной работы у нас растет и множится анархия, всюду дикий разгул разъяренной толпы, разбои, грабежи, самосуды, расстрелы, всюду хаос и разрушение, идет братоубийственная война, улицы городов залиты кровью уничтожающих друг друга людей, всюду безумие и ужас. И кто знает, когда кончится эта сатанинская пляска. Дошли ли мы до той последней черты, переход которой знаменует собой перелом в сторону отрезвления и сознательного отношения масс к судьбам страны? Или нам суждено пережить еще большее развитие ужасов анархии?»¹⁴.

В этой ситуации с первых чисел января начались непосредственные военные стычки между татарскими частями и их союзниками из офицерского корпуса и антибольшевистских партий, с одной стороны, и матросами Черноморского флота в союзе с разномастными отрядами вооруженных люмпенов, а то и просто бандитов — с другой. Боевые корабли распоряжениями Центрофлота были направлены в Ялту, Керчь, Алушту и Евпаторию и огнем своих орудий оказали поддержку высаженным десантам. Особенно яростная схватка разгорелась в Ялте, борьба за которую шла с 9 по 15 января. В ходе боев там погибло около 200 человек. 16 января эскадронцы и русские офицеры были вынуждены оставить город, где немедленно начались убийства и грабежи.

При всем недовольстве и рядового обывателя, и весьма многочисленного в Крыму российского дворянства политическими амбициями

14 | Статья А. Ильина в газете «Южные ведомости», 1917 г., 25 декабря [цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г., 1997, с. 54].

крымскотатарских политиков страх перед социально мотивированной жестокостью большевиков и тех люмпенов, которые жадной и свирепой толпой почти всегда их сопровождали, объективно бросал большинство крымчан «в татарские объятия» (а чуть позже — в немецкие). Вот как описывает настроения людей ее круга княгиня Мария Владимировна Барятинская (1851–1937), пережившая все политические пертурбации на полуострове и покинувшая его в 1920 г. вместе с врангелевскими войсками: «На следующий день [10 января 1918 г.], в то время, как мы сидели за чаем, мы были обрадованы известием, что город взят татарскими войсками, возглавляемыми русскими офицерами нашей армии. К несчастью, такое положение вещей длилось недолго, и город был опять захвачен красными». Отношение большевиков к татарам в тот период хорошо видно из эпизода во время жестокого обстрела Ялты кораблями Черноморского флота. Депутация ялтинских врачей направилась на рейд, чтобы уговорить моряков прекратить бомбардировки мирного города с большим количеством госпиталей, наполненных ранеными с фронта. «...Красные уступили их требованиям, согласившись стрелять только в дневное время и направлять огонь главным образом на деревни с татарским населением» [Барятинская, 2004, с. 76].

Еще 13 января, практически без сопротивления, матросские отряды и красногвардейцы захватили Симферополь. Крымскотатарская Директория прекратила свою деятельность; Дж. Сейдамет, «главный» националист и один из наиболее последовательных борцов с большевизмом, бежал в Константинополь. Потеряв в открытых боях с пробольшевистскими силами по всему Крыму несколько сотен человек убитыми и ранеными, татарские воинские части вместе с решившимися на продолжение борьбы русскими офицерами и солдатами укрылись в горах, куда власть ревкомов не могла дотянуться. В Симферополе 14 января расклеили запоздалое воззвание, призывающее татарских трудящихся и солдат к совместной борьбе против угнетателей любых национальностей. Но, как ярко и образно пишет очевидец событий, «умеренный» большевик из Евпатории В. Елагин, «...татарские эскадронцы уходили в свои степи и горы, не читая воззваний, написанных на непонятном им русском языке — уходили, полные горечи и ненависти к победителям-большевикам» [Елагин, 1992, с. 105].

Эта горечь и ненависть в течение ближайших лет еще усилилась, чему способствовали сначала татарские погромы с грабежами, убийствами и сожжением десятков домов и усадеб (преимущественно на Южном берегу и по большей части руками местных греков), затем убийство в тюрьме (23 февраля) Челебиджихана Челебиева. Пароксизмы ненависти имели место с обеих сторон накануне и в ходе свержения большевистской власти совместными усилиями крымских татар и немецких оккупационных войск в апреле того же 1918 г. Последовала череда убийств пробольшевистских и просоветских деятелей и их помощников (включая знаменитый расстрел татарами лидеров Совет-

ской Тавриды во главе с А.И. Слущким под Алуштой 24 апреля), а также расстрелы восставших татар матросами при активной поддержке крымских греков.

Первый краткий период советской (очень условно говоря!) власти в Крыму (середина января — конец апреля 1918) можно было бы здесь не анализировать, поскольку он был кровав, бестолков и крайне мучителен для жизни обычных людей. Однако некоторые моменты зимы–весны 1918 г. стоит вспомнить. 28–30 января состоялся Чрезвычайный съезд советов и ревкомов, официально заявивший о роспуске Курултая. 7–10 марта Таврический губернский съезд советов, земельных и революционных комитетов избрал большевистско-левоэсеровский ЦИК и СНК, где нашлось место комиссариату по делам национальностей, хотя национальный вопрос за **ненадобностью** на съезде даже не обсуждался (видимо, в связи с грядущей победой мировой революции), поскольку, как заявил председатель Н.И. Пахомов, «... национальным вопросам места быть не может» [цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г., 1997, с. 83].

Крутые реформы новой власти, непрерывные реквизиции и просто грабежи не могли не задеть крымских татар, еще не остывших от прямых вооруженных столкновений в январе. Источники дружно свидетельствуют, что пробольшевистская власть практически не распространялась на сельские районы компактного проживания татар. Не доверяя татарам и чувствуя их враждебность, новые «хозяева жизни» опасались использовать их во властных структурах, что еще больше усиливало отчуждение. Нужен был только внешний толчок, чтобы это отчуждение превратилось в открытую борьбу. Таким толчком стало появление в Крыму германских оккупационных войск. 19 апреля они почти без сопротивления взяли Перекоп и покатались на юг. Немедленно по всему Крыму начали возникать очаги восстаний против большевиков, причем для крымских татар это движение обрело зримые черты народной войны, которая была активно поддержана белым офицерством. Трудно согласиться с В.А. Оболенским, который считал восстание делом рук немецкого командования [Оболенский, 1994, с. 74]. Слишком много ненависти вызывала у большинства населения эта кровавая и некомпетентная власть. Татарское восстание разворачивалось на глазах у Оболенского, и те факты, которые он приводит в своих мемуарах, весомо опровергают его собственный «немецкий» тезис. Достаточно вспомнить одни только списки, по которым восставшие истребляли и большевиков, и всех тех, кто был связан с советской властью [там же, с. 73]¹⁵.

15 | Для характеристики межнациональных отношений в тот период процитируем замечательный пассаж мемуариста о встрече с местным русским парнем из низов в тот самый момент, когда крымские татары в ужасе перед мстостью матросов Черноморского флота за убийство комиссаров Тавриды поголовно бежали в горы: «Куда вы, товарищ? — обратился он ко мне. — Идем на сходку! Вся татарва в горы драпанула, теперь мы тут хозяева и все дела решать будем». И он, продолжая убеждать меня на ходу, скрылся за заворотом шоссе. Для этого парня я был «свой» русский, а врагами были «они» — немцы и помогавшие им восставшие татары... Так причудливо разжигавшаяся большевиками социальная ненависть под влиянием событий местной жизни задушевными стихийной ненавистью национальной, против которой бессильна была проповедь интернационала» [Оболенский, 1994, с. 75].

Что же касается непосредственных причин вооруженного выступления татар, то среди них была одна — и важнейшая: отрезанные от Советской России, крымские советско-ревкомовско-большевистские вожди не располагали достаточной военной силой, чтобы противостоять внешним и внутренним угрозам. Чего стоит признание самого председателя СНК Тавриды А.И. Слущкого на собрании делегатов береговых и судовых частей в Севастополе (17 апреля): «...Красная Армия превратилась в банду мародеров» [Зарубин А.Г., Зарубин В.Г., 1997, с. 84].

Чтобы бороться с татарскими повстанцами, у моряков и красногвардейцев сил хватало, но противостоять германской армии они не смогли. К началу мая весь полуостров оказался под первой немецкой оккупацией, которая, правда, была в несколько раз короче второй (1941–1944 гг.). Итак, спустя 135 лет после покорения Крымского ханства его территория оказалась под властью стратегического противника России.

МИРАЖ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ВЛАСТИ В НЕМЕЦКОМ КОНТЕКСТЕ

Падение Советской Тавриды под ударами немецких войск и татарских повстанцев открывало радужные перспективы перед Курултаем. Устоявшееся в советской и даже постсоветской историографии скептически-насмешливое отношение к попыткам восстановления крымскотатарской государственности отражает довольно типичное переосмысление событий постфактум. Жизнь, как правило, предлагает несколько вариантов, но реализовавшийся (далеко не всегда оптимальный!) обладает особой убедительностью для потомков.

Чтобы понять политику лидеров Курултая в те судьбоносные годы, необходимо представить себе, какой виделась внутри- и внешнеполитическая ситуация в Крыму и в России самим крымским татарам. Они ощущали себя победителями кровожадных и бездарных советско-ревкомовских вождей и ненавистной матросни. Правда, победа подпиралась немецкими штыками, но подобное обстоятельство было бы унижительно для русских, а для татар совсем наоборот: помощь крупной европейской державы, врага России и союзника Турции, стала просто находкой для лидеров национального движения. Их стратегические планы можно понять только в контексте гибели Российской империи, казавшейся тогда очевидной. Великая держава распалась на дурно управляемые и враждующие между собой территории с различной социальной и этнической ориентацией. В глазах татарских лидеров великая Россия не просто умерла, но была дважды публично унижена (сначала большевистским переворотом 25 октября, а затем — Брестским миром). После изгнания первого большевистского правительства и на фоне бесконечно конфликтующих политических партий русские

как государствообразующий народ утратили немалую часть своего авторитета. В этой ситуации рост автономистских и сепаратистских настроений в Курултае был неизбежен, а иллюзорность таких намерений выявилась далеко не сразу.

Попытки Курултая в своем стремлении к независимости опираться на внешние силы — Украину, Турцию и прежде всего Германию — не могут осуждаться или высмеиваться по этическим и любым другим основаниям. Всякое национальное движение вправе искать себе союзников (к проблеме коллаборационизма мы еще вернемся). Другой вопрос — анализ оптимальности действий руководителей национальных движений, который невозможен без учета итогового результата.

Итак, к началу мая 1918 г. немецкие войска в нарушение Брест-Литовского мирного договора захватили территорию Крыма. С 30 мая командующий оккупационными войсками генерал Кош ввел на полуострове военное положение, назвал в своем приказе жителей Крыма туземцами и обязал их неукоснительно следовать только законам Германии, а также распоряжениям немецких военачальников. Не стоит и говорить, что с первых шагов по крымской земле оккупанты запустили механизм выкачки продовольствия и иных ресурсов в Германию. Вместе с тем на полуострове, несколько месяцев изнемогавшем от разбоев, убийств, грабежей и конфискаций, воцарился мир и порядок. Дисциплинированные (в тот период) немецкие солдаты наводили этот порядок железной рукой, не останавливаясь перед расстрелом преступников.

О том, что кайзеровская Германия планировала обосноваться на юге России всерьез и надолго, свидетельствовало появление на оккупированных территориях имперского министра земледелия и колоний генерала фон Линдеквиста. Военное поражение России и Брестский мир неожиданно открыли Германии потрясающие перспективы на Востоке. Берлин начал готовиться к долговременной эксплуатации громадных территорий, еще не подозревая о близком крахе не только на фронтах, но и в тылу империи.

Генерал Линдеквист развернул бурную деятельность среди представителей немецких общин, надеясь активно их использовать в управлении покоренным краем. Однако эти замыслы не нашли широкой поддержки у осторожных колонистов, и оккупационные власти решили активнее разыгрывать крымскотатарскую карту. Именно май — июнь стали временем интенсивных попыток правого крыла Курултая во главе с Дж. Сейдаметом возглавить крымскую власть. Собственно, эта деятельность началась сразу же после захвата немцами Симферополя. Временное бюро Курултая во главе с А.Х. Хильми немедленно начало переговоры с оккупационными властями, а 10 мая их продолжил Курултай, причем глава немецкой военной администрации генерал Кош лично присутствовал на заседании (вместе с будущим премьером М.А. Сулькевичем).

Уже 16 мая Курултай с полным одобрением выслушал программное выступление Дж. Сейдамета, сделавшего вполне разумную ставку на ту силу, которая ему казалась наиболее перспективной. Проанализировав политическую ситуацию в Крыму, докладчик, в частности, заявил: «...Есть одна великая личность, олицетворяющая собою Германию, великий гений германского народа. Этот гений, охвативший всю высокую германскую культуру и необычайно ее возвысивший, есть никто иной, как глава Великой Германии, император Вильгельм, борец величайшей силы и мощи. Этот гений в то же время никогда не был врагом права и справедливости... Интересы Германии не только не противоречат, а, быть может, даже совпадают с интересами самостоятельного Крыма» [*Крым*, 21.05.1918 (цит. по: Елагин, 1992, с. 110)]. Нельзя не отметить, что безудержное подхалимское прославление властителей Германии стало традицией для крымскотатарских националистов — в начале 1940-х гг. они пели столь же восторженные гимны Гитлеру.

Еще существенней для нашей темы был принятый 19 мая на Курултае «Закон о власти», первый параграф которого гласил: «Крымскотатарский парламент объявляет себя временно Крымским государственным парламентом и берет на себя инициативу организации краевой власти и краевого правительства» [там же]. В тот же день Курултай единогласно избрал Дж. Сейдамета премьер-министром, вручив ему специальный ярлык (реанимация золотоордынских традиций?).

Период «ликования и аплодисментов» на Курултае быстро завершился. Прогерманский, сепаратистский и узконационалистический дух его заседаний в первой половине мая резко восстановил против татар все остальные политические силы Крыма. Умножились разногласия и среди курултаевцев. В результате столь ярко загоревшаяся звезда Сейдамета стала гаснуть: ему не удалось сформировать правительство, и германское командование потеряло к нему интерес.

5 июня 1918 г. Курултай позволил себе уйти на летние каникулы, и в тот же день генерал Кош, остро нуждавшийся в создании гражданских институтов власти, поручил формирование правительства генерал-лейтенанту российской армии М.А. Сулькевичу (уроженец Литвы, по происхождению татарин, кадровый военный, завершивший службу в начале 1918 г. на посту командующего 1-м Мусульманским корпусом).

С этого момента идеи восстановления крымскотатарской государственности, и ранее имевшие не слишком много шансов на практическую реализацию, стали уходить в небытие. Национальный состав правительства Сулькевича автоматически сужал зону влияния Курултая, ибо единственным протатарским членом кабинета стал министр иностранных дел (Дж. Сейдамет). Два литовских татарина (премьер М.А. Сулькевич и министр юстиции А.М. Ахматович), не владевшие крымскотатарским языком, предпочитали занимать нейтральные или

прорусские позиции. Остальные члены кабинета были или немцами (Т. Рапп и В. Налбандов)¹⁶, или русскими. Общая политическая линия правительства Сулькевича была весьма уравновешенной и более чем искусной, учитывая агрессивность сил воздействия: немцы-оккупанты, гетманская Украина, Советская Россия, Курултай, разношерстный, но оппозиционный блок сторонников восстановления «единой и неделимой».

На период правления Сулькевича пришелся тот решительный ход крымскотатарских националистов, который окончательно поссорил их с нетатарским населением и заложил «идеологические» основы будущих советских репрессий. Мы имеем в виду известную Декларацию так называемого Крымскотатарского национального совета, подписанную А. Хильми и А.С. Айвазовым 21 июля и тайно переданную правительству Германии [Зарубин, 1999, с. 67]. Официальные лица в Германии оставили послание без ответа (прямое свидетельство политического просчета авторов!), но когда этот текст был опубликован в Крыму¹⁷, это вызвало бурю протестов, причем и в Курултае тоже.

Обширный текст документа содержал весьма тенденциозный исторический очерк и анализ тогдашнего социально-экономического и политического положения. Обосновывая право татар на гегемонию в Крыму исторической традицией и численным преобладанием (приводились заведомо ложные данные о 60 % татар в населении полуострова), авторы сформулировали следующие основные пункты программы действий: «...1) преобразование Крыма в независимое нейтральное ханство, опираясь на германскую и турецкую политику; 2) достижение признания независимого Крымского ханства у Германии, ее союзников и в нейтральных странах до заключения всеобщего мира; 3) образование татарского правительства в Крыму с целью совершенного освобождения Крыма от господства и политического влияния русских... 5) обеспечение образования татарского войска для хранения порядка в стране; 6) право на возвращение в Крым проживающих в Добрудже и Турции крымских эмигрантов и их материальное обеспечение» [цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г., 1997, с. 105].

Германофильство и сепаратистские устремления правого крыла Курултая получили активную поддержку со стороны части немецких колонистов. В среде последних не было единства — даже оккупация полуострова кайзеровской армией не убедила большинство немцев отказаться от позиции нейтралитета в политике (и это несмотря на конфискации и грабежи времен первого большевистского правления). Но группа крупных землевладельцев инициировала создание самостоятельной организации под названием «Центральный комитет сою-

16 | По происхождению Владимир Сергеевич Налбандов был наполовину немец, наполовину армянин. Пользовался значительным влиянием среди немецких колонистов.

17 | Декларация под полным названием «Отношение глав дирекции крымскотатарского национального совета № 37 от 21 июля 1918 г.» была впервые опубликована в «Крымском вестнике» 17 ноября 1918 г.

за немцев в Крыму», которую возглавил триумvirат в лице Ф. Штоля, А. Неффа и Э. Штейнвальда. Узнав о намеченном официальном визите Дж. Сейдамета и В. Татищева (министр финансов, промышленности, торговли и труда) в Берлин, эта организация передала министру иностранных дел краевого правительства Дж. Сейдамету послание, где от лица всего немецкого населения (не имея на то никакого права!) заявила о своей «...солидарности с татарами в отношении вопроса об отделении полуострова от Великороссии и Украины и образования из него особой государственной единицы». На пост гаранта независимости Крыма в этом послании предлагалась, естественно, кандидатура Германии [ГААРК, ф. Р.–1000, оп. 2, д. 2, л. 57–58 (цит. по: Лаптев, 2000, с. 80, 87)¹⁸. Но необходимо подчеркнуть, что это была позиция меньшинства в немецкой общине. Видимо, не только тайные переговоры А.С. Айвазова (эmissара Сейдамета) в Стамбуле и содержание татарской «Декларации», но и закулисные переговоры правых деятелей немецкой общины привели к тому, что немецкая группа в правительстве Сулькевича (Рапп и Налбандов) подала в отставку в знак протеста.

Политика активного сотрудничества крымских татар с немецкими оккупантами в период первого захвата Крыма Германией обязывает поставить вопрос о коллаборационизме¹⁹. Поскольку Россия находилась в состоянии войны с Германией, а все жители Крыма были гражданами России, любое сотрудничество с немецкими оккупантами можно квалифицировать как коллаборационизм. Однако не все так просто. Значительная, порой подавляющая часть населения видела в германцах освободителей от кровавого хаоса большевизма. Особая роль выпадала немецким оккупантам в регионах, где имел место национальный гнет и развивались национальные движения. Лидеры этих движений полагали, что у них появился реальный шанс, используя плоды военных побед Германии, решить проблемы независимости. В уже упоминавшейся статье И. Гилязова говорится только о периоде Второй мировой войны, но ряд его соображений вполне применим к Крыму 1917–1918 гг.: «...В некоторых странах, особенно многонациональных, отдельные политические круги и личности считали национальный вопрос нерешенным или решенным несправедливо. В их понимании развитие военных событий давало известный шанс для реализации национальных проблем. Особую привлекательность в некоторых случаях приобретала иллюзорная перспектива возрождения или создания национальной государственности...» [Гилязов, 2000, с. 116]. Другой вопрос, что в принципе нелепы любые обвинения в адрес крымских татар по поводу коллаборационизма в 1918 г., поскольку их попытки решать

18 | Заметим, что группа авторов немецкого послания в некоторых источниках поименована как «Центральное Управление Германской связи Крыма».

19 | В словарях Новейшего времени стали наконец отказываться от совершенно неестественного сужения значения этого слова к «сотрудничеству с немецко-фашистскими захватчиками». Поэтому в интересной в целом статье И. Гилязова не может не вызвать недоумения формулировка: «...коллаборационизм — сотрудничество с национал-социалистической Германией». Почему-то этот автор считает такую формулировку «широкой» [см.: Гилязов, 2000, с. 110].

свои национальные задачи не сопровождалась целенаправленными и массовыми преступлениями против других народов Крыма (случаи греческих и русских погромов в апреле 1918 г. носили исключительный характер). К тому же нельзя забывать, что глубочайший раскол, который произошел в российском обществе в результате Октябрьского переворота 1917 г., и кровавая диктатура большевиков вынудили даже истинных русских патриотов стать коллаборационистами²⁰.

Как стремительно могут меняться народные симпатии! Еще в конце 1914 г. крымские татары распевали на родном языке песню, написанную по следам заметного события — отправки из Бахчисарая на германский фронт эскадрона конного Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полка:

Наше оружие мы отточили;
Чтобы стать против Германии.
Молитесь, братья;
О пролитии крови врага!
...Смело идем
Драться с Германией!
Если Господь мне даст здоровья;
Мы мир прославим!

(Перевод с крымскотатарского А.Н. Самойловича)²¹.

Спустя три года ситуация резко переменилась. В апреле–сентябре 1918 г. большая часть крымскотатарских политических деятелей уже связала свои надежды на восстановление государственности с кайзеровской Германией. Они определенно недооценили корыстность немецких политиков, которые и не думали считаться с национальными устремлениями татар. Заметим, что и спустя два с небольшим десятилетия фашистский рейх вел с ними лицемерную игру, ни в малейшей степени не намереваясь способствовать созданию самостоятельного государства. И все же после 1918 г. немцы остались в памяти крымских татар освободителями от большевиков.

Нежные чувства к уходящим из Крыма немецким оккупантам татарская печать не стала скрывать даже в день появления флота Антанты, о чем свидетельствует выразительный пассаж в статье под названием «К прибытию англо-французов»: «История татарского национального движения золотыми буквами печатает на своих страницах и с чувством глубокой признательности и благодарности отмечает поистине дружественное, благожелательное отношение творца величайшей в мире культуры, германского народа, к маленькому и

20 | В.А. Оболенский с предельной откровенностью писал об этой трагической коллизии: «Немцы, с которыми мы воевали в течение трех лет, наши враги, завоеватели России, пришли сюда нашими освободителями. В этом факте было что-то бесконечно унижительное для национального чувства и национального достоинства. А между тем это было несомненно так. Немцы — наши спасители» (см.: Оболенский, 1994, с. 76).

21 | Песни крымских татар про Вторую Отечественную войну (т.е. Первую мировую. — А. В.) [Самойлович, 2000, с. 86–87].

слабому в настоящем, но славному в прошлом крымскотатарскому народу» [Крым. 27.11.1918 (цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г., 1997, с. 168)].

Какую же оценку дать политике Дж. Сейдамета, предпринявшего столь рискованные шаги в Стамбуле (секретная миссия А.С. Айвазова) и в Берлине (тайная передача германскому МИДу Декларации Крымскотатарского национального совета)? Несомненно, это была авантюра, обреченная на провал, но логику такой политики понять можно: влияние и слава постепенно уплывали из рук Сейдамета лично и Курултая в целом. Все, на что можно было рассчитывать под властью немцев и доброжелательного к татарам Сулькевича, — это культурно-национальная автономия и поддержка на уровне краевого правительства деятельности Директории при Курултае²². Но амбиции радикальных националистов простирались гораздо дальше, а разумно выправить дисбаланс между желаемым и возможным им не удалось.

Проявляя вполне искреннюю заботу о соблюдении интересов крымскотатарского народа, премьер М.А. Сулькевич считал своим первейшим долгом защищать самостоятельность Крыма от растущей агрессивности независимой Украины. Даже находясь под прессом немецкой оккупации, Киев делал многократные попытки аннексии полуострова, но получал каждый раз отпор из Симферополя (впрочем, и Берлин не поддержал территориальные аппетиты Украины). Как иллюстрация этого противостояния интересен черновой вариант декларации правительства Сулькевича от 18 июня 1918 г.: «Ввиду настойчивых посягательств Украины поглотить Крым, **ничем с ней органически и исторически не связанный** [выделено мной. — А. В.], Крымское краевое правительство ставит своей первой задачей как сохранение самостоятельности полуострова до решения международного положения его на мирной конференции, так и восстановление нарушенной законности и порядка» [ЦГАК, ф. Р-999, оп. 4, д. 19, л. 32 (цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г., 1995, с. 139)]²³.

Ухудшение положения Германии на фронтах и в тылу привело к постепенному ослаблению оккупационного режима в Крыму. Одновременно росло влияние Белого движения, контакты с которым все активнее поддерживали кадеты и представители иных партий. Череда политических кризисов и связанных с ними отставок с сентября начала разрушать первое краевое правительство, пока 14 ноября германское командование не лишило его полномочий. С 15 ноября 1918 г. пришло к власти второе краевое правительство во главе с С.С. Крымом.

22 | Из официального обращения премьера Сулькевича в Директорию при Курултае от 30 июля 1918 г. [см.: ЦГАК, ф. Р-999, оп. 1, д. 180, л. 4 (цит. по: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г., 1995, с. 143)].

23 | «Оранжевым» властителям Киева начала ХХI в. не повредило бы знакомство с оценками Сулькевича относительно взаимосвязи Украины и Крыма.

ЭВАКУАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК. КРУШЕНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКИХ НАДЕЖД. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

С правительством Соломона Крыма, постепенно растерявшим властные полномочия под давлением и лидеров, и рядовых участников Белого движения, у крымских татар было слишком мало общего. К тому же полуостров все больше терял либерально-демократические достижения 1917 г., а в условиях «чрезвычайщины» всегда ущемляются права не только личности, но и народов. Так в течение 1918 г. родились и умерли надежды как радикальных, так и умеренных крымскотатарских националистов на восстановление государственности, во всяком случае — на базе демократии, а значит — социального и национального мира на полуострове. Мощный либерально-демократический потенциал крымскотатарской конституции 1917 г. открывал перспективы общекрымского политического прогресса. Недаром известный политический деятель Крыма либерал Д.С. Пасманик с таким воодушевлением писал в первых числах января 1918 г.: «...Веками угнетенные татары дали чудный урок государственной мудрости русским гражданам, бывшим до революции единственными носителями русской государственности... Все нетатарские жители Крыма, которым дороги порядок и законность, *равная для всех* свобода и социальная справедливость, спокойное развитие экономических и духовных сил края, должны всеми силами поддерживать стремление татар к государственному строительству... Поддерживая его, мы спасем Крым, а косвенно и всю Россию, от анархии и разложения» [Пасманик, 1918 (цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г., 1997, с. 56)].

Но реализовался совсем иной сценарий, и в крымскотатарском национальном движении под влиянием ряда внутренних и внешних факторов взял верх радикальный национализм, весьма далекий от идеалов первой конституции. На этом пути союзники нетатарского происхождения быстро стали противниками Курултая и его правых вождей. Более чем показателен немедленный ответ на знаменитую речь Д. Сейдамета 16 мая 1918 г. (мы уже о ней писали) того же Д. Пасманика: «Вы не научились ценить действительную свободу, равную для всех, а под влиянием ваших неумных вожаков вы увлеклись жаждой власти, вас научили не нуждаться в братстве, а стремиться к господству, к диктатуре. Отсюда все зло! Жизнь, построенная на ненависти и беспощадной борьбе, заканчивается неизбежно деспотизмом и реакцией, будь то слева или справа» *Ялтинский голос*, 24.05.1918 (цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. 1997, с. 130–131)]. Упрек, брошенный Д. Пасмаником татарским националистам, универсален: в любой многонациональной стране сползание от общедемократических ценностей к узконациональным чревато политическим поражением.

Что же касается геостратегической ситуации в Северном Причерноморье, то ликвидация иноземной (германской) оккупации сняла проблему отторжения Крыма от России при любом исходе борьбы между белыми и красными. И когда Москва приняла решение о создании Крымской Автономной ССР, безопасности стратегического форпоста будущего Советского Союза уже ничто не угрожало.

Список источников и литературы

- Абдуллаев И. Отголоски колониальной войны // *Голос Крыма*. 17.10.2003.
- Абдуллин Х.М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // *Военно-исторический журнал*. М., 2007. № 1.
- Айвазов А.С. История национального движения в Крыму / Подготовка текста и публикация А. В. Ефимова // *Восточный свет*. М., 2005. № 3.
- Барятинская М.В. Дневник русской княгини в большевистской тюрьме. Январь 1918 г. // *Крымский альбом 2003*. Феодосия — Москва., 2004.
- Вся Россия* / Справочник. Изд. 1-е. Колонки 1888–1928. СПб., 1900.
- Гаспринский И. Русское мусульманство // *Россия и Восток*. Казань, 1993.
- Гасырлар авазы (Эхо веков)*. Историко-документальный журнал. Казань. 1999. № 1/2.
- Гилязов И. Коллаборационизм тюрко-мусульманских народов СССР в годы второй мировой войны — форма проявления национализма? // *Ab Imperio*. Казань, 2000. № 1.
- Голос татар*. Симферополь, 2.09.1917.
- Гольденберг М. Крым и крымские татары // *Вестник Европы*. СПб., ноябрь 1882. Т. VI.
- Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК)*. Ф. Р.–1000. Оп. 2. Д. 2. Л. 57–58.
- Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // *Забвению не подлежит*. Казань, 1992.
- Етнічний довідник. Етнічні меншини в Україні*. Київ, 1996.
- Забвению не подлежит*. Казань, 1992.
- Зарубин В.Г. Межнациональные отношения и национальная политика государственных образований в Крыму (конец 1917–1920) // *Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму*. Симферополь, 1999.
- Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. *Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму*. Симферополь, 1997.
- Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича и его политика // *Отечественная история*. М., 1995. № 3.
- Крым*. 21.05.1918; 27.10.1918.
- Крымский вестник*. 17.10.1918.
- Крымскотатарское национальное движение*. Документы. Материалы. Хроника. Т. 1–2. М., 1992.
- Лаптев Ю.Н. Революция и гражданская война (1917–1920 гг.) в судьбе немецкого населения Крыма // *Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры*. Симферополь, 2000.
- Левитский Г. Переселение татар из Крыма в Турцию // *Забвению не подлежит*. Казань, 1992.
- Марков Е. *Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы*. СПб.-М., 1902.
- Медиев А. *Крымские письма*. Симферополь, 2005.
- Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*. М., 2006.

- Оболенский В. А. Крым в 1917–1920-е гг. // *Крымский архив*. 1994. № 1.
- Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // *Крым*. Симферополь, 1926. № 2.
- Озенбашлы Амет Сеит Абдулла-оглу. *Къырым Фаджиасы*. Симферополь, 1997.
- Пасманик Д. Дух государственности // *Ялтинский голос*. 4.01.1918.
- Погоский А. Ф. Из записок проезжего. Воспоминания // *Крымский архив. Историко-краеведческий и литературно-философский журнал*. Симферополь, 2003. № 9.
- Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСРИ)*. Т. XXI. Прибой. 14.01.1918.
- Ривкин А. Вымирание мусульман в Симферополе и городское санитарное попечительство // *Известия Симферопольской городской думы*. 1914. № 6.
- Романько О. В., Бельский А. В. К проблеме становления корпуса государей стран Черноморского бассейна // *Крымский контекст*. Симферополь, 1996. № 5.
- Русская старина*. Т. LXXVIII. СПб. Июнь 1893 г.
- Самойлович А. Н. *Избранные труды о Крыме*. Симферополь, 2000.
- Сеитбекиров А. Туркам, павшим в Крымской войне // *Голос Крыма*. Симферополь, 17.09.2004.
- Соловьев С. М. *Сочинения*. Кн. XIV. Т. 27–28. М., 1994.
- Усенко П. Г. Демократическая печать России о правительственной политике выселения крымских татар (середина XIX) // *Материалы научно-практической конференции «Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы»*. Симферополь, 24–25 мая 1996.
- Фаизов С. *Движение мусульманок Крыма за права женщин в 1917 г.: контуры забытой свободы* // <http://www.kirimtatar.com/Researches/krmus.html>.
- ЦГАК. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 180. Л. 4; Оп. 4. Д. 19. Л. 32.
- Щербань Н. Переселение крымских татар // *Русский вестник*. 1860. Т. XXX, № 11–12. *Южные ведомости*. 27.10.1917.
- Ялтинский голос*. 24.05.1918.
- Ялтинское уездное земское собрание 41 очередной сессии оп. 4, д. 19, л. 32 // *Вестник Таврического земства*. 31.10.1906. № 43.
- Kirimli H. *National Movements and National Identity Among the Crimean Tatars (1905–1916)*. Leiden — New York — Köln, 1996.
- Şehab Nezihî. *Yirminci Asirda Tatar Millet-i Mazlumesi*. Istanbul, 1328/1910. *Tercüman*. 2.08.1906.